

ЕС и Британия: ничего личного, только бизнес

Лондон, как выясняется, целенаправленно пытался сыграть на противоречиях между Парижем и Берлином, которые рассматривают выход Британии из Евросоюза с диаметрально противоположных позиций.

В апреле, когда правительство Терезы Мэй, превратившееся в своего рода «временную администрацию», официально запросило отсрочку, не сумев предложить приемлемый компромисс воюющим друг с другом парламентским фракциям, трещина пробежала и по франко-германской Антанте. Самое простое и вразумительное объяснение этому феномену в истории с «Брекзитом» дал на страницах издания «Политико» Пол Тэйлор, вдумчивый обозреватель, ведущий авторскую колонку под названием «Европа в целом» (Europe At Large).

Расхождения всплыли в ходе саммита в Брюсселе, где решался вопрос: удовлетворить просьбу островитян о переносе срока сессии или нет (см. [«Брекзит»: чем обернётся отсрочка на 6 месяцев»](#), №4(139), 2019). Бундесканцлерин Ангела Меркель была готова пойти на эту уступку. Вариант ухода Британии из Евросоюза без сбалансированных взаимных обязательств, без гарантий сохранения определённых правил и процедур, был неприемлем. Видимо, в первую очередь для германского бизнеса, пустившего на острове глубокие корни после ряда поглощений и приобретений.

Французский президент Эмманюэль Макрон, напротив, ратовал за скорейшее расставание. Должно быть, читал в школе «Грозу» Островского и запомнил слова Кабанихи: «Долгие проводы - лишние слёзы». Но, скорее, не мог смириться с тем, что англичане после выборов в Европарламент 23 мая смогут на законных основаниях затем определять, кто станет следующим председателем Европейской Комиссии. Словом, уходя - уходи из нашей песочницы.

В Париже, помимо этого аргумента, приводят совсем любопытное объяснение своему желанию «не мешкотно» распрощаться с бриттами. Амели де Монтшален, новый госсекретарь по европейским делам в кабинете Макрона, напоминает не совсем уж давнюю историю с референдумом 2005 года о том, должна ли Франция ратифицировать предложенный проект Конституции ЕС. Тогда французы большинством голосов (55%) при явке в 69% отвергли этот документ. Но в Лиссабонском договоре 2009 года положения того конституционного проекта были сохранены.

Гордые галлы, если верить Амели де Монтшален, сочли, что их обманули. Как следствие, общественное настроение качнулось в сторону евроскептиков. Это повысило рейтинги популярности тех, кого называют «популистами» и кто, на самом деле, предлагает альтернативные варианты развития Европы. Вывод из этого экскурса в историю таков: если пренебречь волей британских верноподданных граждан, точнее, теми 52%, что высказались за развод с ЕС, то утратится вера в демократические институты и ценности.

Пол Тэйлор сформулировал позицию Парижа следующим образом: «...оставить Соединённое Королевство в составе ЕС вопреки воле британского электората намного хуже, чем жёсткий

«Брекзит» (“...keeping the U.K. in the EU against the wishes of the British electorate would be worse than a hard Brexit”). По этой причине Макрон, в отличие от Меркель, допускает вариант неупорядоченного ухода (no deal).

Хитроумные царедворцы в Лондоне пытались напугать Евросоюз тем, что уход шестой экономики мира из сообщества без оговоренных правил дальнейшего отдельного существования обернется огромными финансовыми потерями для обеих сторон. Ранее премьер-министр Дэвид Камерон также пытался выжимать из континентальных союзников разного рода преференции. Рассчитывал бесконечно продлевать особый статус Британии внутри союза и, в частности, получить эксклюзивное право регулировать иммиграционные потоки, но просчитался (см. [«Не переоценивает ли Камерон незаменимость Британии для ЕС?»](#), №8(90), 2014).

Сейчас Тереза Мэй не без основания полагала, что Ангела Меркель будет покладистой, чтобы не лишиться германские автомобильные концерны высоко платёжного и ёмкого британского рынка. А потому согласится сохранить главную привлекательность ЕС для Британии – возможность выхода на гигантский потребительский рынок со своей продукцией без обременительных пошлин и тарифов.

В принципе, тактика Мэй сработала, хотя бы частично, и в Берлине до сих пор звучат голоса о том, что в последнюю минуту Лондон спрыгнет с поезда «Брекзит». Так, Вольфганг Шойбле, бывший министр финансов, а ныне глава Бундестага, расценил прошение об отсрочке как верный признак того, что Британия «либо вообще не выйдет из ЕС, либо вернется на каком-то этапе» (“either Britain will not leave the EU at all, or it will come back at some stage”). А глава Европейского Совета Дональд Туск в интервью польской «Газета Выборча» о вовсе высчитал вероятность того, что «Брекзит» не случится, – 20-30% за то, что Британия одумается и вернется.

Тем не менее, вопреки надеждам германского делового политика сохранить статус-кво, в целом в Евросоюзе не разделяют мнения, что бритты заслуживают привилегированного статуса. По мнению Пола Тэйлора, в Лондоне недоучили одного принципиального момента: если позволить какому-либо государству-члену союза выбирать по собственному усмотрению, какие единые для всех законы и правила общежития оно будет соблюдать, а какие не будет, то вся конструкция зашатается, а интеграционная идея будет скомпрометирована. Все равны, но одни более равны, чем другие?

Потому глава Пятой республики, выступающий с пафосными речами о грядущей эпохе «Возрождения» Евросоюза, и придерживается столь негибкой линии поведения в отношении островной державы. Той самой, которой Шарль де Голль трижды давал от ворот поворот, когда она просилась в состав тогдашнего евро-сообщества.

Вслед за Францией и другие значимые континентальные участники этого вне всяких сомнений выдающегося интеграционного проекта не настроены оказывать какие-либо любезности островитянам. Особенно после того, как те продолжают демонстрировать редкую степень недоговороспособности и взаимной нетерпимости.

Владимир МИХЕЕВ

